

Ф и л о с о ф и я

УДК 1(091)

А.П. Герасименко

РАЗДВОЕНИЕ (К АПОЛОГИИ ДИХОТОМИИ)

Действительное раздвоение всего сущего становится неочевидным для тех, кто смотрит вокруг себя, руководствуясь христианской догмой о божественном триединстве.

Ключевые слова: двоичность, троичность, единое.

BIFURCATION (TOWARDS DICHATOMY APOLOGIA)

The real bifurcation of all matter becomes invisible for those who look around themselves following the Christian threefold manner dogma.

Key words: twofoldness, triplicity, unity.

Термин «дихотомия» имеет древнегреческое происхождение и означает для нас вездесущее раздвоение единого. Можно назвать много старых и новых работ, в которых объясняется или демонстрируется онтологический смысл дихотомного взгляда на сущее, но в данном случае это для нас несущественно. Скажем только, что более двадцати лет тому назад мы использовали этот подход для построения собственной типологии политико-правовых явлений[1] и до сих пор продолжаем считать его наиболее адекватным для своей философии права.

Раздвоение в человеке на Я и не-Я, что может быть понято как Я и Бог, взирающий на меня, замутняется тем, что христианский бог триедин (как отец, сын, дух святой одновременно). Человек всматривается в одного-единственного бога, но должен видеть святую троицу. Если человек не принимает триединства бога, то он не христианин. Но в действительности человеку противостоит не триединство, а бесконечное разнообразие единств, каждое из которых раздвоено. Видеть во всем и всегда троичность – значит смотреть через христианскую догму о триединстве бога. Отсюда, а не из языческой античности идет немецкая диалектика (хоть идеалистическая, хоть материалистическая) – раздвоение и снятие, новое раздвоение и снова снятие и т.д. Подлинное и неустраняемое раздвоение якобы преодолевается через христианскую догму, т.е. реальность непреодолимого раздвоения всего сущего отрицается по догматическим соображениям. В человеческой душе тоже нужно найти изначальную троякость, что и делает даже атеист З. Фрейд (Я, оно, сверх-Я).

Популярный в англоязычной среде А.Уайтхед, размышляя об условиях возникновения христианства, утверждал, что «благодать и простота жизни (народа Галилеи – А.Г.) в сочетании со счастливым неведением дали человечеству самый драгоценный инструмент прогресса – далекую от практической осуществимости этику христианства». Слова о счастливом неведении этих людей не очень вяжутся с отмеченным чуть выше: «они были необыкновенно интеллектуальны благодаря привычке изучать исторические и религиозные записи, постоянно углубляться в них» [2]. Сказать точнее, сча-

стливое неведение – это не об иудеях, которые не просто имели, но знали и продолжали изучать книги Ветхого Завета задолго до появления книг Нового Завета. Ведь эти книги во многом гораздо мудрее новозаветных историй об Иисусе. Более того, если бы в начале новой эры по-европейски доступными и почитаемыми были только евангелия, а о ветхозаветных книгах никто бы ничего не знал, то мы вообще не узнали бы о христианстве того, что знаем, или знали бы еще одну какую-то мелкую секту возле иудаизма. Без мудрости Ветхого Завета (иудаизма) этика Нового Завета (христианства) слаба. Эта этика и принимается, и создается, и развивается как этика только в противовес этике иудейской. Сопоставление Моисеева закона (этики закона) с проповедью Иисуса (этики благодати) дает христианскую этику. Без такого сопоставления она не могла бы сложиться. Иудеи, в отличие от христиан, как раз и не были счастливо невежественными. Это Иисус убеждал своих последователей в преимуществах блаженства нищей души, т.е. он освобождал от духовной мудрости и звал к простоте детского наивнудушия.

Для европейцев школой философии была и остается греко-римская античность. Такова она и для Уайтхеда, большого поклонника Платона. Его рассуждения не выходят за привычные пределы координат Восток – Запад, которые строятся либо на сопоставлении древностей ирако-египетских с древностями греко-римскими, либо на более поздних противопоставлениях христианского (европейского) мира миру мусульманскому (азиатскому). При этом здесь явно не достает рассуждений в координатах Север – Юг, которые предполагают сопоставление скандинаво-норманско-викингского (явно северного) присутствия во Франции и Англии (как южного), либо на контрасте между западно-европейской цивилизованностью (как северной) и греко-римской (как южной). В любом случае, если систему координат сделать четырехмерной (Восток – Запад – Север – Юг), то она всем позволит лучше понимать самих себя. В такой системе, скажем, Англия – это Север и Запад, тогда как Греция – это Юг и Восток. Россия – это Север и Восток, тогда как Германия – Север и Запад. При этом все те смыслы, которые за многие годы были вложены в Восток, Запад, Север, Юг, должны сохраняться.

Христианская философия – мудрствование в пределах христианства, т.е. разновидность религиозной философии, потому что есть и другие религии – иудаизм, буддизм, мусульманство, даосизм и пр., в пределах которых тоже никому не заказано мудрствовать. Что делает такой философ? Он умствует (рационализирует) в таком пространстве, которое построено на вере – на безоглядной, всепоглощающей доверчивости к сказанному церковными авторитетами. Через этих авторитетов говорит нечто неизъяснимое, какая-то тайна, которую они сами называют богом. Примечательно, что ни от Иисуса, ни от Мухаммеда, ни от Конфуция, ни от Сиддхартхи ничего ими самими написанного не уцелело или до сих пор не найдено, если только они сами действительно жили и что-нибудь писали. Записаны только рассказы о них и о том, что они говорили. Кем записаны, когда записаны, насколько все это достоверно? Таких вопросов у верующего быть не должно. А может ли без них обойтись философ? Получается, что философ в этом случае ищет некоего смысла в том, что построено на отрицании здравого смысла. Он размышляет не над человеческой жизнью, а над текстами, созданными людьми в целях обретения иной жизни. При этом он может использовать научные знания – и о самом человеке, и о текстах, и о событиях. Что в результате? Авторские тексты о священных текстах, т.е. таких, которые требуется не понимать, а принимать как откровение. Читая, скажем, Вл. Соловьева или Н. Бердяева, т.е. философские тексты, авторы которых заявляют о своей приверженности христианской вере, мы поневоле начинаем сомневаться в авторской искренности. Если это философия, то у нее не должно быть других авторитетов, кроме таких же философов. Ссылки на ученых тоже допустимы, но только в смысле ссылки на факт или факты. Если ты веришь, то на священные тексты как аналогичные научным текстам ты смотреть не можешь. Ну и что же от тебя останется? Сама церковь,

без и вне которой ты не можешь претендовать на правильное понимание святого? Тогда как быть с философией? Любая религиозная философия сомнительна из-за искусственности своего пространства. Она вращается в проблематике настолько оторванной от повседневной, обыденной, рутинной действительности, в проблематике настолько сосредоточенной в узком кругу лишь своей церкви (одной из многих), что становится интересной и понятной лишь нескольким посвященным. В основную массу людей она вообще не проникает, оставаясь каким-то диковинным продуктом человеческой мысли.

Находить в Библии все ответы, воспринимать ее как источник мудрости может только начитанный человек. Причем начитаться нужно ученых книжек. Если читать только Библию, то что можно узнать? Наверное всё. Но как узнать, что ты узнал всё? Только сравнив с другими книгами. Христианство через Библию (если ее читать самому, причем читать внимательно и заинтересованно, даже не критично) неизбежно порождает самокопание, неудовлетворенность собой, стремление усовершенствоваться, а вместе с тем свидетельствует о бесплодности всех самоулучшающих стремлений на этом свете. Правда, сказанное в Библии о реальных муках повседневного бытия способно вдохновить на бунт против этого бытия, а не только на смирение. Повседневные страдания (ад) – в муках самопожертвования, самоотречения, самоотверженности и т.п. – в надежде на потустороннее блаженство (рай), благодаря чему смерть становится облегчением. Повседневное блаженство (рай) в самопопотакании, самоудовлетворении, самодовольстве и т.п. в надежде на отсутствие потусторонних мук (ад), благодаря чему смерть ужасает. Какая разница? Шутники говорят – можно прожить сто лет, если отказать от того, ради чего хочешь жить как можно дольше.

Если добро – это христианство и только христианство, причем лишь православное, а не католическое и не протестантское, а все остальное – зло, то причастны добру лишь весьма немногие из людей. Можно статистически точно назвать количество православных христиан среди всех людей планеты. Чтобы не огорчаться, лучше этого не делать. На самом деле при таком взгляде причастными злу окажутся не только католики и протестанты, но и мусульмане, буддисты, индуисты, иудаисты, конфуцианцы, не говоря уже об атеистах. Считать олицетворением добра Христа, не признавая в этой ипостаси Мухаммеда, Будду, Конфуция или кого-то еще, конечно, можно. Означать это будет лишь то, что в добре и под покровительством бога, как и прежде, один Ной – богом избранный праведник. Все это – партийность, религиозная партийность, та, что гораздо строже партийности светской.

Согласно христианско-библейскому варианту креационизма, человека (мужчину) творит отец (мужчина) без участия матери (женщины). Затем он же из первого мужчины создает женщину, которая рождает детей. Разочаровавшись в людях, создатель уничтожил (утопил) их и больше не прибегал к первому способу, оставив для слепопотопного размножения семейную пару. Потоп не помог ему исправить людей. Тогда создатель, без участия мужчины, оплодотворил женщину и был рожден ею как обыкновенный человек, призванный показать (и показавший) всем остальным, каким нужно быть. В первом случае есть только отец, который (во втором случае) просто сохранил пару (мужчину и женщину), а в последнем случае есть только мать. Но последний случай не касается творения, потому что демонстрирует явление перед людьми. Получается, что первоначально есть только отец. Этот творец может сделать все что угодно – уничтожить, спасти, появиться среди смертных. Сотворив себя сам, но проверенным на других способом (через женщину), он все время знал, что нет у него не только отца, но и матери, что сделано это лишь для того, чтобы явить пример, самим собой показать как нужно жить, но жил он уже только с учениками, а не с родителями, женой, детьми, другими родственниками, как жили все остальные люди. Да и всем окружающим говорил, что у них, если хотят быть правильными, нет никого кроме него самого – единственного, неповторимого, вечного, в

котором и жизнь, и истина, и путь. Получается, что учит он семейной жизни только на словах, собственной жены и детей не имеет и показать правильную жизнь семьи не хочет, скорее всего потому, что знает ее невозможность. Учитель подлинный – единственный и не от мира сего. Потому что своего собственного отношения к родителям, к жене, к детям у него нет, поскольку создал он себя сам, жениться не стал, детей не имел, да и умер молодым, а вернее, – был казнен ни за что. Как-то странно выглядит эта христианская школа жизни, не правда ли?

Благодаря религии человека стали заботить грехи, которые могут повлиять на потустороннее пребывание в раю (вечно блаженство) или аду (вечные муки). При этом куда-то на задворки сознания ушло то обстоятельство, что на фоне стихийных природных катаклизмов думает он при этом о себе лишь в окружении других. В действительности ад – это другие, точно так же, как и рай. Представления о рае и аде складываются в человеческом общении, переполненном антагонизмами. Люди сами создают рай и ад. То, что вчера казалось раем (допустим, блаженные мгновения детства), сегодня стало сущим адом (муки взросления). То, что сейчас кажется адом (муки войны, к примеру), может превратиться в рай (блаженство послевоенного мира). Кто создал человека, откуда человек взялся и куда денется – подобное к этой озабоченности отношения не имеет, потому что у людей просто есть родственники. У человека всегда есть мать, могут быть братья или сестры, он обычно знает своего отца. Он любит близких людей, но и ненавидит их. По Библии, главные враги человека – именно его родня. Легко любить дальних, даже если считать, что они тебя не любят, потому что не знают. Попробуй полюбить ближних и сохранить свою любовь, и ты сразу поймешь, насколько это трудно, если вообще возможно. От ближних исходит зло хотя бы потому, что они тебя постоянно воспитывают. Мать ведет себя предательски, изображая любовь и выставляя в роли экзекутора отца. Старшие братья и сестры издеваются. Первое библейское убийство – это братоубийство. Стать взрослым – это избавиться от семейной зависимости, самому создать семью, т.е. перестать мучиться от ближних и самому начать мучить новую родню и ближних. Над чужими издеваться опасно, их могут защищать. Над близкими можно измываться совершенно безнаказанно.

Почти любой из философствующих на христианский лад считает нужным сказать о спасительной роли любви, почему-то забывая, что по-евангельски о ней говорилось в связи с верой и надеждой. К примеру: непосредственное постижение своей родовой сущности дано человеку в способности любить, в способности к развитию этого отношения к миру, потому что любовь, по сути, – это отношение к своему предмету как самоценности. Поэтому высший из доступных человеку способов реализации отношения к другому есть способность любви, и обрести самосознание можно только через отношение к другим. Мало того, что любовь, как и любое другое чувство, амбивалентна, не очень понятно – кого любить? Себя, других, другого или другого в себе? Ребенок растет обычно в семье, здесь он становится человеком, через семью приобщается к обществу. Когда отмечают, что сироты вырастают в своеобразных людей, указывают на нечто социально важное. Чем отличаются эти люди от основной массы? Они не знают матери, не знают отца. Строго говоря, обычный ребенок знает только мать, потому что только мать (как у Иисуса) абсолютно достоверна и от нее же у него могут быть родственники. Отношение к матери формирует многое, потому что именно она для ребенка – весь мир. Но именно она и дискредитирует мир, потому что предает – наказывает, запрещает, оказывается близкой другим людям или совершенно ненужной другим (никчемной, бесполезной, которой стыдятся). Если мать любит отца, брата, сестру, то она любит другого человека больше чем тебя. Если у матери, кроме тебя, вообще никого нет, то она явно какая-то ущербная. Мать всегда виновата перед тобой. Виновата уже потому, что ты появился на свет, где испытываешь неприятности. Мать почти не может оградить тебя от этих неприятностей, потому что рано или поздно умирает. Более того, мать сама бывает источником неприятностей.

Обычно считают, что в древности люди наделяли злым духом силы природы, жестокость которых пытались смягчить мольбами и жертвами. Они переносили на природу собственную жестокость. Жестокость присуща людям, но не природе. Природа безразлична к людям – она ни добра, ни зла. Это люди добры или злы. Добро и зло исходят от родителя или родителей, которые всемогущи по отношению к ребенку. Именно их он обожествляет в страхе или благодарности, а не природу. А. Уайтхед писал: «Мораль производна от других факторов опыта, иначе чувство долга было бы бессодержательным и потому не могло бы побуждать к действию. Чистая мораль, возникающая как бы из вакуума, невозможна. Опыт – это в первую очередь жизненные страсти: любовь, симпатия, ярость, вместе с аналогичными влечениями, а во-вторых, более тонкие, специфические человеческие переживания красоты, умственной изощренности, которыми можно сознательно наслаждаться» [2]. В.С. Соловьев считал возможным свести опыт к стыду, жалости, благоговению. В таких и подобных им рассуждениях всегда не хватает учета того обстоятельства, что любой человек сначала бывает ребенком и может обретать свой опыт лишь по мере взросления и в зависимости от окружения – взрослых и сверстников. Опыт ребенка и схож, и совершенно отличен от опыта его родителей. Это однотипные опыты, разорванные во времени. Ребенок благоговит перед старшими, а старшие его жалуют. Ребенок безжалостен, он еще не способен к жалости, как не способен стыдиться. Первым проявляет себя именно благоговение. Такое благоговение перед предками и становится обожествлением. Представление о богах вырастает из обожествления матери и отца, а не из страха перед природными катаклизмами.

Когда говорят, что человеческое бытие – это существование между полярно противоположными сферами божественного бытия (сверхбытия) и адского бытия (небытия), следуют все тому же триадизму. Получается, что человеческое существование особенно наглядно демонстрирует наличие в нем полюсов бытийного и небытийного. В христианско-гегельянском триадизме (названном вездесущей диалектикой) выражается именно это постоянное балансирование бытия (синтез) между сверхбытием (тезис) и небытием (антитезис). Совершенно неважно, что считать синтезом или тезисом, а что – антитезисом, потому что бог, сын, дух – это «три в одном», неотожествимые в отдельности ни с синтезом, ни с тезисом, ни с антитезисом. Созданная древнегреческими язычниками формальная логика, как и придуманная немецкими протестантами диалектическая логика, могут наталкивать на мысль о сходстве с христианской догматикой. Но если в логике можно безбоязненно различать классическое и неклассическое, то в христианстве, всегда под угрозой анафемы, – только ортодоксальное и еретическое. Не больше ли смысла ограничиться самим бытием, не пытаясь прояснить его сущность сопоставлением с небытием или сверхбытием? В самом бытии много разного, потому что оно многообразно. Заостряя истолкование чего-то в бытии до небытия, мы просто пытаемся представить себе отсутствие бытия, а не что-то существенно иное. Точно так же можно рассматривать и сверхбытие, означающее обычно всего лишь высшее качество бытия. К бытию нужно подходить не триадически или дуалистически, а монадически. Не стоит умножать сущности. Бытие и есть бытие, особенно бытие человеческое – лишь как бы двойное, по Тютчеву. Оно как бы двойное, потому что может стать и райским, и адским, не переставая быть все тем же одним-единственным бытием. Человек сам превращает свое бытие в рай или ад, если пользоваться этой терминологией.

У В.С.Соловьева триадизм выражается в представлении о срединном положении человека, «находящего себя по отношению ко всему другому ни безусловно высшим существом, ни безусловно низшим», а «существом средним, и притом одним из многих средних». По его убеждению, нужно различать бытие высшее, низшее и само по себе, к каждому из которых человек относится как к тому, что выше его, что ниже его, что равно ему, и каждое из которых для него в норме обретает форму

подчинения, господства, солидарности. Человек должен господствовать над тем, чего стыдится (аскетизм); должен подчиняться тому, перед чем благоговеет (религиозность); должен быть солидарным с тем, что жалеет (альтруизм). Он считал, что область возможных нравственных отношений человека к сущему исчерпывается тремя основными чувствами (стыд, жалость, благоговение) и покоиться на вечных, незыблемых нравственных основаниях, которых тоже три – господство, солидарность, подчинение. Триединство нравственного начала определено нашим должным положением относительно Бога, людей и материальной природы, – считал Соловьев [3]. Могло ли быть у верующего христианского философа иначе?

Очевидная вертикальность троичности не дополняется у русского философа казалось бы необходимой для полноты картины горизонтальностью. Альтернатива верх – низ не единственная. Левое – правое – не менее значимая альтернатива. Верх – низ можно понимать как жизнь – смерть. Человек может выбрать низ (смерть) или продолжать жить (верх). Однако более напряженным для живущего (т.е. умирающего) остается выбор по горизонтали. Умещается ли все это в альтернативу добро – зло? В сущности, триадичность вертикальная (ступенчатая, лестничная) сводится к рождению – проживанию – смерти. Ясно, что проживание расположено между рождением и смертью. Но где здесь верх и где низ? Человек восходит к смерти или нисходит к ней? Если вертикаль однозначна (верх – низ), то горизонталь двузначна – не только левое – правое, но и вперед – назад. Верх – низ для живущего совпадает с впереди – позади, как конец и начало. Только левое – правое характеризует пребывание срединного, потому что не указывает ни начала, ни конца. Трехмерность (длина, ширина, высота) тоже триадична, т.е. триадично пространство, как и время (было – есть – будет). Скорее всего, правильнее триадично понимать условия (систему координат), в которых обнаруживает себя человек. Пространственно – у него есть что-то выше и ниже, позади и впереди, по бокам. Временно – у него сейчас есть прошлое и будущее. Совмещая пространственное с временным получаем совпадение длины и высоты с прошлым и будущим. Получается, что только ширина и настоящее вне времени. Считая до трех, делая три попытки, принимая божественное триединство, выстраивая тезис – антитезис – синтез и т.п., мы как бы поднимаемся по ступенькам в духе финализма, не теряя надежды на идеальное завершение любого процесса. Подспудно мы надеемся – как бы сейчас ни было тяжело, трудно – наступит облегчение. Правда в том, что идеального завершения, облегчения не бывает. Возможна кажимость такого завершения и облегчения. Но эта кажимость лишь прикрывает то, что реально, в действительности есть только единичное, пребывающее в раздвоенности на полюсы, в полярности раздвоения. Полярная раздвоенность единого – такова первая реальность, основа, действительность. Субъект – объект привносится, задается позицией. Верх – низ, левое – правое, впереди – позади устанавливаются условно. Мы имеем дело не со ступенями, а со сферами, которых В.И. Вернадский насчитал, правда, все равно три – геосфера, биосфера, ноосфера. Существенным становится указание на взаимосвязи, экологичность сущего проясняется не сразу.

Давайте спросим себя: что возводится в закон, становясь правом, – здравомыслие или рациональность? Исходное противоречие разума в его раздвоении на рассудочность и рациональность, а не в тех антиномиях, что известны европейцам с античности. Только рассудок может быть здоровым, т.е. можно говорить о здравомыслии, здоровом смысле, уме и т.п. Противоположность рассудка – безумие. Есть люди лишённые разума, с-ума-шедшие, т.е. безумные люди, которые устрашающе, не по-человечески рациональны. Как разум рассудок связан с мышлением, он выражается в мышлении, которое невозможно без речи, т.е. слова. Есть люди, обладающие даром слова, – экстраординарно владеющие словом (как устным, так и письменным). Такие люди становятся поэтами и пророками. В рассудочном разуме нет противоречий, антиномии присущи рациональному разуму. Умничание парализует,

оно способно погубить человека, тогда как здравомыслие не только не подводит, но очень часто спасает. Человеческое мышление (дар слова) и чувствование (дар воображения) выступают подлинными источниками права, которые оформляются как удерживающие их в норме разум и мораль. С самого начала объединяет разум и мораль религия, существующая как искусство. Первоначальное единство религии, искусства и морали для человека становится слишком тесным. Право появляется из религии как стремление освободить человека от морали. Искусство остается, религия и мораль тоже, но человек освобождается в праве. Он оставляет в праве и религию, и мораль, и искусство, но только как признание их независимости от права, несводимости к нему. Право теперь специально охраняет религию и мораль, но претендует на верховенство, требует от людей преклонения перед собой, как они преклоняются перед священным. Право соответствует морали, но дает возможность вне морального (аморального) поведения.

Давно замечено, что реформация католицизма, в результате которой окреп и расширился протестантизм, означала на деле превращение христианства как религии любви в христианство как религию свободы. Создавая правопорядок, человек освобождает себя от норм искусства, морали, религии, утверждая, что они свободны, независимы друг от друга. Искусство дробится на прикладные и свободные искусства, религий становится все больше, мораль мечется между религиями и искусством прожигания жизни, а право превращается в доходное ремесло, назойливо претендующее на священнодействие. Французские революционеры 1789 г. вдохновлялись триединым – свобода, равенство, братство. Они разрушили Бастилию и освободили узников. Они казнили короля, приравняв его к смертному. Они установили новую веру (в разум), открывшую новую эру с новой нумерацией лет и переименовали месяцы. Но вот братство уперлось в сестринство, о котором как-то забыли, – ведь люди не только братья, но и сестры. Английские критики, умудренные к этому времени своим 1689 г. («славная революция»), уже тогда посмеивались над наивностью триадистов. Свобода была достигнута островитянами, когда они поняли недостижимость равенства. Все свободны в своих сословных пределах, а значит, – не равны. Недовольные сословностью стали бороться за равенство на заокеанском континенте. Свободы англичанам, ирландцам или шотландцам хватало и в Соединенном Королевстве, но они хотели равенства на новой земле – и учредили США. Американцы добивались равенства в возможностях разбогатеть, продвинуться своими силами, не за счет предков или подчиненных, а за счет самих себя.

Вопрос свободы – это не столько вопрос политики, сколько экономики, а вопрос равенства – это вопрос не экономический или политический, а социальный. Вопрос братства же – это вопрос родства, а не социальный, экономический или политический. Борьба за свободу выражалась в гарантиях сословной независимости, собственности и налогообложения, т.е. велась не только в политико-экономических, но и социальных пределах. Борьба за равенство сразу же показала свою социальную направленность, т.е. она сводилась к бессословности, анти-сословности. Но социальное – это перераспределительное в пользу неимущих, сирых и убогих. Если мы равны, то не кивай в мою сторону, а думай о себе сам, будь свободным. Получается полный отказ именно от социальности. Братство не имеет ни политических, ни экономических измерений – это вопрос кровного родства, т.е. в принципе неразрешимый, потому что нет другого способа появиться на свет, кроме как родиться от других людей. Некоторое время считали, что братство достижимо, если не будет супружеских пар и станет невозможным установление родства. Сейчас родство достоверно устанавливается генетической экспертизой. Указывающие на несовпадение в норме должного (доброе) и сущего (злого), обычно считают, что это обусловлено чьим-то (класса, элиты и т.п.) своекорыстием, тогда как за этим скрывается несовпадение общественного (социального) и личного (персонального). Общество держится теми нор-

мами, которые его сохраняют, а личность – теми, что сохраняют ее. Для общества нормально жертвовать личностью, а для личности жертвовать обществом – нет. Поэтому нормы общества (добро для него) – это главным образом должное для личности (зло для нее), от которой требуется смирение, самоотречение, самопожертвование и т.п. Таким образом должное для общества становится его сущим, и в его норме сущее и должное совпадают. Для личности нормально (ей присуще) бунтарство, индивидуализм, своекорыстие и т.п., не должные для общества, т.е. должное для общества не нормально для личности.

Размышляя ступенчато, мы невольно стремимся к финализму – так, как будто есть начало, есть пребывание, есть конец. Связать начало с концом – это и значит обнаружить смысл. В начале уже заложен конец. Но сам конец содержит другое начало. Наверное правильное понимать все это во множественном числе – начала и концы (как у Герцена). Только позже для объяснения чего угодно указывается одно начало из многих. В действительности одного не было, было многое, но возобладало что-то одно. А может быть, только кажется, что оно возобладало, потому что с ним стали соизмеряться и тем самым усилили его действие. Такое усиление ведет к ущемлению других начал. Другие начала не исчезают и дают о себе знать (начали во здравие, а закончили во упокой). С людьми именно так: сначала поздравления с рождением, потом соболезнования с кончиной. Но кончен лишь человек, человечество бесконечно – оно было до нас и будет после нас, поздравляющие непременно найдутся. Полярность – маятник, а триадичность – спираль. Универсально вращение. Переведенное на плоскость, оно становится перекатыванием. Шарообразность включает кругообразность, она содержит столько кругов, сколько можно насчитать, а размещаются они как срезы – хоть по горизонтали, хоть по вертикали всегда одинаковые. Не надо считать до трех и перечислять ступени, достаточно видеть сферы. Нет пределов совершенству? Но ведь высшее совершенство чего-то – его исчезновение. Совершенное государство растворяется в общественном самоуправлении, а совершенное право – в морали. Равновесие – это лишь динамичное балансирование, которое само не равновесно. Мы всегда посредине, потому что середина – это состояние выбора, в котором невозможно остановиться. Все подсчеты ведутся только внутри чего-то, а каждое из них – одно-единственное.

---

1. Герасименко, А.П. Очерки дихотомной типологии политических явлений. – Благовещенск: АмГУ, 1997.

2. Уайтхед, А. Приключения идей // Избранные труды по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С.406-407.

3. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С.56, 130, 417.